

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 140.8

СМЕРТЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

© 2013 г.

В.В. Гришин

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

vadimgrishin61@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2013

Анализируется мировоззрение советского человека сквозь призму его отношения к смерти, которое, с одной стороны, обусловлено коммунистической идеологией и атеизмом, а с другой – русской патриархальной традицией. Автор обращается к повести современной русской писательницы Нелли Мартовой «Двенадцать смертей Веры Ивановны», героиня которой раскрывает тайну жизни советского человека, оставшегося один на один с собою без той страны, с которой он когда-то связывал свою судьбу.

Ключевые слова: жизнь, смерть, смысл, страх, тревога, ответственность, общество, экзистенция, забота.

Главным императивом советской идеологии являлось служение народу, стране в целом, которая встала на путь строительства коммунистического общества. Между тем представляется небезынтесным рассмотреть советского человека не в социально-футурологической плоскости, а в экзистенциальном аспекте, проанализировать его отношение к такому неотъемлемому и, несомненно, фундаментальному явлению, как смерть. Это позволит нам понять образ жизни советского человека, определить контуры его мировоззрения и заглянуть в его сущность. Ведь именно в вопросе о смерти закладывается жизненная позиция человека, его взаимоотношения с другими, формируется культура общества в целом. Как человек принимает смерть, какую перспективу он (не) видит после смерти, почему избегает посмотреть ей прямо в глаза и вынести окончательное решение о своей жизни – вот круг проблем, на которых будет сфокусировано наше внимание.

Советский человек, как бы он от этого ни отрекся, является наследником традиций и мировоззренческих ориентиров человека русского, дореволюционного. Поэтому отношение советского человека к смерти невозможно понять без аналитики отношения к смерти человека русского вообще. Исходя из этого соображения, начнем рассмотрение вопроса с восприятия смерти человеком традиционной культуры (до-

революционная Россия была именно традиционно-аграрной страной).

Человек традиционной (христианской) культуры жил ожиданием конца света, отсюда крайняя аскеза в жизни посюсторонней: он уходил в монастыри, становился отшельником и скопцом, о чем свидетельствует как мировая, так и русская история. Это одна из сторон взаимоотношений человека со смертью.

С другой стороны, христианство (как западный католицизм, так и отечественное православие) способствовало созданию сплоченного коллектива (этим коллективом была либо семья, либо цех, либо сельская община), который с помощью, например, месс, обрядов или просто добрых дел должен был «влиять» на потусторонний мир умерших. Обретение райских куш, сокращение времени пребывания в чистилище (в католичестве) часто зависело именно от коллектива единоверцев или от Церкви в целом. Это одна из причин, по которой человек нуждался в родственных связях как в своего рода страховом полисе, гарантирующем ему продолжение жизни в посмертном инобытии.

Данная ситуация коренным образом меняется в индустриальном обществе. Так, в странах современного развитого капитализма люди попадают под влияние массовой гедонистической по своей сути культуры, вследствие чего отказываются от аскетических идеалов традицион-

ного общества. Кроме того, современная культура исключает из перечня своих ценностей детей, она уводит человека в поиск удовольствий, а медицину и фармакологию ставит на борьбу с деторождаемостью. Либеральная идеология решение многих вопросов (к примеру, демографических) оставляет за человеком. Задача человека массового гедонистического общества состоит в том, чтобы отсрочить смерть и, более того, вынести ее за скобки собственного существования. Задача общества в целом заключается в том, чтобы как можно дольше сохранять человека как жизнеспособного потребителя, поддерживая тем самым экономический спрос, рост которого является критерием развития западной цивилизации. Несомненно, в современной культуре присутствует и другая тенденция, гуманистическая, в которой человек оценивается сам по себе, а его жизнь – в философских категориях свободы. Однако эта тенденция периферийна.

Вернемся теперь к дореволюционной России, в которой таинства и обряды, поминание мертвых создавали условия сохранения единства живущих с умершими. Русский человек заботился не только о потомстве, но и о земле, в которой спят мертвые и по которой ходят живые. Культ предков, регулярные заупокойные молитвы и упоминания всех родственников, посещение кладбищ с приношением даров глубоко вошли в российское общество, а позднее перешли в советское, но перешли с существенным отличием: мистическая сторона в советской культуре была вытеснена психологической. С покойниками делились радостью и горем, прощались перед дальней поездкой или просто общались. Подобная забота об умерших была неразрывно связана с заботой об Отечестве, о бытии, а героизм и святость воспринимались как синонимы. Таким образом, русский человек «приручил» смерть, научился «жить» с ней по соседству. Если брать статистические данные, то смертность в стране была очень высокой, и человек постоянно жил рядом со смертью.

Несмотря на то что человек постоянно сталкивался с смертью, он тем не менее испытывал страх перед ней, но этот страх уходил в бессознательное. Этот страх имел языческие корни. Народное сознание, соединившее в себе элементы христианского и языческого мировоззрений, создало свой пантеон злых и добрых божков и духов, что с пронизательной точностью показал, например, Н.В. Гоголь в повести «Вий»: здесь языческая нечисть, как все помнят, оказалась сильнее молитвы Богу. Именно

злые языческие духи, связанные со смертью, оказались стойкими и не были побеждены ни крещением, ни святыми угодниками, ни религиозным или светским просветительством. Однако, если быть более точным, русский человек боялся не столько смерти как прекращения земного существования, сколько гибели души от нечистой силы (ее сила не уступала силе святых) или полного забвения после смерти (нет ничего прискорбнее небытия).

Однако говорить о том, что стержнем ментальности русского человека является отношение к жизни и к смерти, можно лишь с большой натяжкой. Не стоит забывать замечания Ф.М. Достоевского о многомерности русской души, в которой отражались все особенности жизни русского человека, его сословно-классовая принадлежность, образ жизни, профессия и т.д. Тем не менее в те моменты истории страны или личной жизни, когда вопрос жизни или смерти решался ценой жизнью соотечественников, все перечисленные различия стирались, обнажая истинную душу человека, в которой жизнь рода, как говорил Л.Н. Толстой, человеческое, имела первостепенное значение. В минуты высшей опасности уходили не только психологические страхи, но и все размышления о религии. В этот момент все люди становились равны. Вспомним, например, смерть Петра I, который умер после переохлаждения, спасая из холодной воды простых граждан Санкт-Петербурга.

В обыденной жизни тем не менее человек много размышлял о смерти и смысле жизни. Каждый человек, кем бы он ни был – крестьянином, бурлаком, отшельником, мастеровым, поденщиком, аристократом и даже императором, становился в этом вопросе немного философом. Смерть в экзистенциальном плане есть вызов каждому человеку без исключения, и, как отмечал Платон, чем ближе к старости, тем этот вопрос становится острее. Более того, он не разрешается простым принятием той или иной концепции смерти. В своих переживаниях человек пытается добавить что-то индивидуальное в осмысление феномена собственной смертности.

В русской истории одними из первых, кто сознательно пошел на смерть ради социальных преобразований, ради обновления и нового будущего России, были декабристы. Здесь необходимо оговориться и подчеркнуть, что феномен декабристов в нравственном плане нельзя рассматривать ни как измену Родине, ни как нарушение присяги, ни как акт отчаяния и вызова бытию. Суть поступка декабристов состоит в том, что они пытались отказаться от постыд-

ного рабства, в котором находилась Россия начала XIX в. и о котором некоторые современные историки забывают. Рабство никак не вписывается ни в христианскую систему ценностей, ни в светско-просветительскую, ни в общечеловеческую. Декабристы были высокоидейными романтиками своего времени и назначение человека понимали в духе Гете: «Человеком был в мире. / Это значит – был борцом!». Истина и правда была дороже самой жизни, которую, к сожалению, они знали плохо.

В современных российских учебниках по истории Отечества приводятся сведения о смертных казнях XIX в. Россия по количеству смертных казней в то время занимала последнее место в мире, уступая развитым странам мира, что выглядит вполне благопристойно. Однако эти же учебники не приводят данные о смертности в тюрьмах, на этапах, на каторгах. Кроме того, статистика убийств и самосудов того времени ужасающа. Из этого следует очень важный момент: русский человек, вроде бы примиренный со смертью, не ценил жизнь. Прежде всего, не ценило жизнь человека государство. Равнодушные государства по отношению к человеческой жизни компенсировались милосердием общества, которое всегда с сочувствием относилось к осужденным. Ненадежность существования человека, неуверенность в будущем, вера в превратности судьбы разрушали преграды между законопослушными подданными и злоумышленниками: от сумы и тюрьмы не зарекайся. Именно здесь следует искать источник уже современного российского шансона и уголовной романтики, которые сдерживалась элитарной культурой вплоть до конца 90-х гг. XX в. Низкая ценность жизни в русской культуре заметна не только в социальной плоскости, но и в экзистенциальной. Например, в романе «Воскресенье» Л.Н. Толстой, повествуя о рождении Кати Масловой, упоминает пятерых рожденных до нее детей, которых родители умертвили без угрызения совести, поскольку не могли их прокормить.

Почему же в русском обществе не ценился человек и его жизнь? Жизнь русского человека XIX в. внешне крайне убога. В последние годы жизни в Ясной Поляне Л.Н. Толстой выезжал в соседние деревни с благотворительными целями, он часто негодовал на грязь и неухоженность домов крестьян. А.П. Чехов в рассказе «Мужики» дал развернутую картину быта деревни: пьянство, драки, разгул, деградация. Тяжелые условия жизни, самоуправство властей всех уровней, отсутствие собственности на землю привели русского человека к пренебреже-

нию своим бытием, к отсутствию конкретного смысла конкретной человеческой жизни в потоке времени. Отсюда русское «авось» и вспышки эмоционального и экзистенциального бунта против всех и вся, самоотверженная работа, по окончании которой пропивается все заработанное. Бегство от реальности в виртуальность, образованную алкогольными парами, стремление хоть на мгновение почувствовать себя хозяином собственной жизни – вот итог истории российского общества, основанного на эксплуатации ложных ценностей.

Ценность жизни и, более того, здорового образа жизни была в особом виде представлена в русской культуре. Например, в православии есть холистическая доктрина, которая, несомненно, повлияла на определенную часть населения, заставив его позитивно относиться к своему здоровью, окончательно разрешив проблему *momento morae*. Согласно этой доктрине, человек должен предстать перед судом Второго Пришествия в чистой одежде, с чистой душой, и тогда он получит шанс прожить еще тысячу лет в наиболее здоровом и красивом теле, которое он имел в течение своей жизни. С определенного возраста, далеко не пожилого, человек готовил себя к смерти: копил небольшую сумму денег, шил саван или белые одежды, в деревнях загодя выстругивали гробы, а если было что оставить в наследство, то составляли завещание.

Православие, как известно, лояльно относится к пьянству, поэтому, мягко сказать, нетрезвый образ жизни всегда был нормой. Единственным исключением было старообрядчество. Заботу о своем здоровье проявляли и сектантские христианские организации протестантского толка: баптисты, евангелисты, адвентисты седьмого дня, духоборцы, влияние которых в русском обществе конца XIX в. все-таки было ограниченным. Кроме того, вести здоровый образ жизни в России было далеко не просто: все праздники и обряды связаны с винопитием, государство поощряло виноторговлю, пополняя бюджет, частные виноторговцы наживали барыши, непьющих людей сторонились.

Эпоха Просвещения внесла свой вклад в установление здорового образа жизни. Создание медицинских факультетов, отдых и лечение на водах, борьба с антисанитарией и знахарским «залечиванием», создали новую парадигму жизни, но все это коснулось только высших слоев общества. Картина «Завтрак аристократа» Федотова как раз запечатлела новое веяние времени. С другой стороны, в эпоху Просвещения предпринималась философская попытка

расширить христианское понимание смерти, основываясь на достижениях науки и западной философии. Так, согласно А.Н. Радищеву, аргументом в пользу бессмертия души служит закон сохранения энергии: «...человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать, ибо если невозможно и само в себе противоречащее, что какая-либо сила в природе исчезла» [1, с. 410]. А.Н. Радищев (Сибирь еще со времен Аввакума известна толерантностью) шел вразрез с православием, реанимируя идею Оригена о переселении душ. В результате по-сторонний мир стал цениться больше, чем потусторонний. Русские космисты развили эту идею, пытаясь не только сохранить существующую жизнь, но вернуть ее умершим, заселив космическое пространство человеческими существами.

Советская эпоха внесла существенные коррективы в философию смерти. Отказавшись от религиозной доктрины, советское общество, тем не менее, во многом сохранило описанное выше отношение к смерти. Однако, в отличие от предыдущей досоветской культуры, оно не оспаривало ценность жизни. Напротив, именно жизнь стала манифестироваться в качестве высшей ценности.

Между тем полнокровная, здоровая жизнь человека – это только проект будущего, ради которого можно пожертвовать жизнью человека сегодняшнего (в фильме «Служили два товарища» есть эпизод, в котором с уст красного комиссара – женщины – легко слетает приказ: «Расстрелять»). Стал цениться не сам человек, а его статус, занимаемый им пост. С другой стороны, советское общество создало культ борьбы за коммунистические идеалы и героизировало смерть за «правое дело», которое включало борьбу с внешними и внутренними врагами, борьбу за производственные достижения, спасение урожая и затем уже спасение членов социалистического общества. Встретить смерть без ропота и страха, с полным сознанием чувства выполненного долга, не прибегая к помощи сверхъестественных сил, полностью порвав с религиозными обрядами и традицией, как это сделали, например, Николай Островский и его литературный герой, – вот идеал советских времен.

Если говорить о советском ритуальном обряде, то он образовывался постепенно. Жертв белого террора (например, Урицкого и др.) хоронили с крестами. Захоронения в кремлевской стене и мавзолее были совершенно новым явлением в русской культуре. Однако полностью атеистический похоронный обряд так и не сло-

жился. Как в историческом прошлом России произошел синтез православия и язычества, так и новообразованный неохристианский похоронный обряд синтезировался с атеистическими элементами: похороны на третий день, поминки, а на памятниках вместо креста – звезда. Итак, ни языческие, ни православные обряды не были вытеснены. С другой стороны, атеизм постепенно становится мировоззрением миллионов граждан страны Советов. Мы здесь говорим не о научном атеизме, который был достоянием немногих. Большинство людей, отрицая веру, не сформировало мировоззрение, в котором отразилась бы научная картина мира. Их не занимали мысли о сверхъестественном, об Абсолюте, а вопросы о смерти они пытались вытеснить из своего сознания или отложить до того времени, когда призрак смерти не появится на горизонте. Да и на пороге смерти часть людей не замечала ее присутствия, незаметно переходя в небытие. Подобное чисто стоическое отношение к смерти описал поэт А. Кушнер в стихотворении «Старик»: «Кто тише старика, / Попавшего в больницу, / В окно издали / Глядящего на птицу? / Кусты ему видны / Прижатые к киоску. / Висят на нем штаны / Больничные, в полоску. / Бухгалтером он был / Иль стекла мазал мелом? / Уж он и сам забыл, / Каким он занят делом. / Сражался в домино / Иль мастерил динамик? / Теперь ему одно / Окно, как в детстве пряник. / И дальний клен ему, / Весь виден до прожилок, / Быть может, потому, / Что дышит смерть в затылок. / Вдруг подведут черту / Под ним, как пишут смету, / И он уже – по ту. / А дерево – по эту» [2, с. 15]. Примечательно, что самому автору в 1966 г., во время написания стихотворения, было только 30 лет. В этом возрасте он уже выработал свое отношение к смерти как к естественному событию, как к уходу в небытие, незаметному для окружающих на фоне вечности природы (как сказал другой поэт, «Быть славным хорошо. / Спокойным лучше вдвое»). Именно в поэзии, в ее языке, согласно М. Хайдеггеру, выражается дух эпохи, мировосприятие целого общества, все узловые проблемы между человеком и бытием. Прожить жизнь в труде, и неплохо бы немало прожить, – это и есть человеческое счастье в понимании советского человека того времени. А. Кушнер оказался верен самому себе: свой последний сборник он назвал «По эту сторону таинственной черты». Здесь есть такие строки: «И боль, и гнев. / Как римляне умны! / Их стоики считают, / что из жизни / По меньшей мере сто ведут / дверей, / А в жизнь – одна. / Поэтому не кисни, / Не жалуйся, живущий, / не робей. / В любой

момент на волю / можно выйти, / Через дверной перешагнуть / порог – / И звездные тебя обхватят / нити. / Космический обнимет / холодок» [2, с. 213].

Значительная часть людей в течение своей жизни проходит через жизненные испытания, грозящие болезнями, увечьями и, как следствие, смертью, – так называемые пограничные состояния. В это время, которое может длиться всего лишь несколько секунд, вся жизнь человека мгновенно высвечивается в его сознании, все ранее значимое становится химерным и несущественным. Из этого состояния человек выходит другим. С другим пониманием жизни, с другим мироощущением и, возможно, с другим мировоззрением. Но пограничное состояние – это не только объективные причины, подводящие человека к краю пропасти, но и моральная дилемма человека, момент кьеркегоровского выбора «или – или». Так, герой романа В. Дудинцева «Белые одежды» биолог Федор Иванович сравнивает свой жизненный выбор с трубой, попав в которую, уже нельзя свернуть – только вперед или назад. Выбор должен произойти в кратчайший срок, тогда человек получает шанс выйти из трубы, но уже другим: «Он вдруг почувствовал отчетливо, что и та, его личная железная труба, по которой все эти пять лет шел он, ни разу не остановившись и не попятившись, кончилась тоже. И спавшая почка, что дала неожиданный росток, закончила свой цикл роста – это он отчетливо почувствовал. Но так и не вник в сущность ее роста и цветения – слишком серьезно было все, происходившее в этой трубе, не было времени остановиться для самооценки. Пять лет шел рядом с кем-то высоким, тихо-задумчивым, не знавшим, что такое смелость, потому что смелость никогда не думает о себе. Пять лет это длилось. Некто рядом с ним умел слушать отдельный голос и был наделен способностью экономно и точно ответить на внезапный выпад врага. Его существование было позицией. Шел с этим человеком пять лет и ни разу не сказал: «Это я!» [3, с. 110]. Этот монолог-размышление вполне в духе М. Хайдеггера.

Философы-экзистенциалисты (М. Хайдеггер или Ж.-П. Сартр) утверждают, что страх, ужас и скука возникают внешне спонтанно, вдруг, когда зов бытия пробивается в душу человека. Задача человека – найти в себе мужество заглянуть в ничто, в бездну и после такого экзамена принять жизнь такой, какая она есть. Если человек видит смысл жизни только в человеке, о котором заботится, а бытие его не интересует, то такой человек подрывает свою субстанции-

онную основу, теряет самого себя. Советский писатель Федор Абрамов описывает эту ситуацию в рассказе «Пролетали лебеди». Сюжет прост: в деревенской семье у женщины родилась двойня – здоровая девочка и больной мальчик. Девочка выхаживала его, заботилась о нем, но не углядела: мальчик умер. Вскоре умерла и девочка. «Нет, не то поразило всех, что за малое время смерть заглянула в Авдотину избу – для этой старухи дороги не заказаны... Что за болезнь у ребенка? Какая – такая немочь источила девку? Тоска по брату?... Да, может быть, тоска – знакома людям эта сухотка. А все-таки плохо верилось, чтобы в ее-то годы да умирали от тоски» [4, с. 96], – философское заключение писателя.

Действительно, когда человек выходит из ситуации смертельной опасности, то для него этот выход есть процесс личного духовного перерождения. Между тем история показывает и другое: миллионы людей, например, прошли через страдания Первой мировой войны и эти же миллионы ввергли свои страны в новую войну. Человек, пройдя через смертельную опасность, может стать жестоким и хладнокровным. Когда смерть становится обыденным повседневным делом и человек постоянно ее преодолевает, он может потерять вкус к жизни, как это случилось с героем повести Виктора Астафьева «Пастух и пастушка» Борисом. Вот его размышления после полученного тяжелого, но не смертельного ранения: «Зачем? Для чего? Убивать или быть убитым? Не-ет, не-ет, нет! Хватит! Чтобы победить и вернуться домой? Но победят и без него, это уж теперь совершенно ясно, да не скоро победят. А у него нет ни сил, ни духу, весь пар из него вышел, душа и тело выболели, устали» [5, с. 128].

В обыденной жизни происходит то же самое. Человеку, вытасченному из клинической смерти, только на первых порах кажется, что он начнет новую жизнь. Но для многих вырваться из круговорота обыденной жизни, отказаться от пагубных привычек бывает не по силе. Сколько талантливых людей (В. Высоцкий, О. Даль и др.), пройдя через клиническую смерть, не смогли преодолеть барьер, разделяющий два мира, два разных образа жизни.

В 60-70-е гг. XX века в советском обществе меняются взаимоотношения государства и человека. Десталинизация политической системы вывела убийство человека из правового поля в экзистенциальное. Социально-экономические успехи позволили качественно улучшить человеческую жизнь. Заявление Хрущева о том, что «нынешнее поколение будет жить при комму-

низме», наполнило жизни советских граждан новым содержанием. Жизнь приобрела ценность. Люди хотели увидеть светлое будущее и почувствовать все прелести технического прогресса, который принесет счастье всему человечеству. Это время романтиков, которые по мироощущению существенно отличалась от своих сверстников довоенного времени (в довоенные годы человек-романтик отдавал всего себя труду, строительству новой жизни; социальное, таким образом, полностью поглощало экзистенциальное). Теперь, в 60-е гг. XX в., социальное и экзистенциальное шли параллельно друг другу, рядом, и экзистенциальное стало не менее ценным, чем социальное. Век героев-одиночек завершился, и у нового Павки Корчагина обязательно должна быть спутница жизни. Пафос жизни, пережитого мгновения, максимализм – все это отразилось в культуре того времени: «Будь распят на кресте распахнувшихся рук! / Забывай. / Забывайся! / Терзай и падай. / Сердце вырвалось? Бьется в тебе и вокруг? <...> Кто – до нас?? Никого! / После нас? / Никого! / Мир возник на секунду, / чтоб мы в нем жили!» [6, с. 234–235]. Беззаботность и отчаяние, легкомысленное отношение к смерти, скорее, ее игнорирование – черты эпохи шестидесятников. С другой стороны, в киноискусстве того времени социальная проблематика нередко по-прежнему оставалась на первом месте, однако оставалась не только по идеологическим соображениям: очень трудно передать метания человека, его монологи таким образом, чтобы заставить зрителя держаться в напряжении. Напротив, в литературе, особенно в прозе деревенщиков, экзистенциальное чаще выходило на первый план. Но в отличие от Запада, в Советском Союзе не было чистой экзистенциальной культуры: всегда был социальный контекст. Вот последние размышления водителя Пронякина, героя повести Г. Владимова «Большая руда», героя-одиночки, романтика и прагматика в одном лице. В плохих погодных условиях он повез первую руду, чтобы доказать всем и себе, что руда есть и что, он, Виктор Пронякин, неплохой шофер и неплохой парень, что-то может сделать для Родины: «Но, если ты жил, хотел и добывался, если ты что-то делал и любил то, что ты делаешь, и кому-нибудь становится от этого теплее, тогда ты можешь умереть один, в темной комнате, не сказав никому ни слова прощания или раскаяния» [7, с. 152]. Сама смерть здесь приняла форму языческого погребения: лодка с Виктором поплыла вдоль деревьев куда-то ввысь.

В конце 70-х гг. XX века романтический задор постепенно стал угасать: пассионарность элиты сходила на нет. Надежды на скорое по-

строение коммунизма не оправдывались. Как написал в 1972 году Р. Рождественский, «Просто – мы устаем. / И тихо отходим в сторону, когда кончается сила» [8, с. 81]. Еще точнее и трагичнее выразился поэт Борис Чичибабин: «Я так устал. / Как раб или собака. / Сними мою усталость, мать Смерть» [8, с. 84]. Миросозерцание, таким образом, начинает обретать пессимистический оттенок. Человек замыкается в своей экзистенции, социальное порой становится если еще не враждебным, то уже не своим. Начинается новый процесс отчуждения, человек становится одиноким. Неслучайно главные герои пьесы В. Вампилова «Утиная охота» (сценарий Мережко), фильмов «Полеты во сне и наяву» (сценарий Токаревой) и «Вам и не снилось» погибают. В целом советский человек, как правило, не заглядывал в далекое будущее, жил обыденной трудовой жизнью и постепенно превращался в потребителя массовой культуры.

В целом высшей ценностью советских людей (и этим советское общество отличается от досоветского) были дети, настоящей трагедией – бездетность. Социальная стабильность, уверенность в завтрашнем дне для советского человека были естественными ценностями.

Гибель советского государства вызвала огромный социально-культурный шок, разрушалась советская иерархия ценностей. Из вполне дружелюбной среды обитания человек переместился во враждебное окружение. Статус человека, личности умер. Подобную ситуацию описывает современный прозаик Олег Зайончковский. Писатель из небольшого города, Подгузов, приходит за покупкой в магазин, уверенный в уважительном отношении к своей особе и наталкивается на трех коротко стриженных мордатых молодцов. «Стриженные покупали водку и что-то еще, продавщица мгновенно подавала. Когда они набрали, что хотели, один мордатый, швырнув небрежно деньги, спросил, ткнув в писателя пальцем: «Валь, что это за чудовище с портфелем, ты не знаешь? – и презрительно засмеялся. Валька, знавшая Подгузова много лет, только холуйски подпихнула. Писатель от обиды потерял самообладание... Как лунатик, писатель отчалил от прилавка и вышел из магазина. Не помня себя, доплелся он до дома, лег на диван и пролежал на нем неведомо сколько времени. Нет, он не помер, подобно известному чеховскому персонажу, и не наложил на себя руки. Подгузов всего лишь тихо тронулся умом» [9, с. 162–163]. Статус советского человека как интеллигента и личности погиб.

В современной России из всех ценностных ориентиров советского человека осталась семья.

Труд и творчество стали расходиться в разные стороны. Творчество – для души и в свободное время, работа – для заработка. Выбор профессии теперь не зависит от личных способностей, а определяется законами рынка. Тем не менее часть общества по-прежнему исповедует старые ценности: люди за крохотную зарплату остаются преданными своему творческому труду, считая его долгом не только перед российским обществом, но перед всем человечеством. И если их понимают и поддерживают близкие, то они могут быть счастливы.

Между тем современная эпоха безжалостна. Она разрушает семейные связи, человек замыкается в оболочку собственного Я. Катастрофически увеличивается количество одиноких людей. Одни не могут найти близких по духу людей; другие теряют их по различным причинам. Подобную ситуацию описывает Нелли Мартова в повести «Двенадцать смертей Веры Ивановны». Действие повести происходит в реальности постсоветского времени и раскрывает духовную жизнь немолодой женщины, пенсионерки, бывшей учительницы математики Веры Ивановны. В автомобильной катастрофе погибает ее единственная дочь. Смысл жизни потерял; полное одиночество: «теперь в ее жизни осталась только одна точка – место на кладбище» [10, с. 53]. «Отчего-то Вера Ивановна была уверена, что Бог пошлет ей смерть сразу же, как она попросит... Достаточно будет просто лечь и закрыть глаза. Мать ей рассказывала, что так умерла в деревне ее прабабушка в возрасте за девяносто. Так и сказала детям: «Помру я завтра». Подоила корову, перестирала белье, сходила в баньку, переделалась в чистое, легла и померла себе тихонько» [10, с. 53]. Она назначила себе число, 9 января, и стала готовиться. Прибрала квартиру, пристроила кота, написала завещание на квартиру своей соседке, положила на видное место деньги на похороны. Но смерть не пришла ни в январе, ни в последующие месяцы. Волей-неволей Вера Ивановна втянулось в обыденную жизнь. Но обыденность для нее – это помощь окружающим. Она обучила сына соседки арифметике, при этом вознаграждая его деньгами за успехи. И вот в декабре, выйдя на лыжах на прогулку, она обнаружила, «как из сделанной ею кормушки красногрудый снегирь клюет пшено. Она сошла с лыжни и стала в сторонке, любуясь птицей. Свет и радость заполняли сердце, будто с каждым зернышком, что подбирал из кормушки крохотный клювик, что-то таяло в душе, что-то отпускало, и легче становилось дышать, и вкуснее казался воздух, да так, что она никак не могла надышаться» [10,

с. 55]. Как видим, жизнь победила смерть в душе Веры Ивановны. Она стала наслаждаться вот-бытием. Старая учительница нашла гармонию с природой, ведь именно ею сделанная кормушка помогает выжить снегирю. У неё, говоря современным философским языком, формируется коэволюционное мировосприятие жизни: в нем есть место как социальным отношениям, так и естественно-природным. Если писатель Подгузов, держался за статусные ценности, был полностью поглощен социальным, то резкие социальные перемены сломили его: он стал запускать бумажные самолетки, сделанные из своих произведений, что является свидетельством крушения его как личности. Вера Ивановна, напротив, вырвала из тетрадей бывших учеников листы, написала им добрые пожелания, сделала из них самолетки и запустила из окна. Она поняла, что «прямая – это, на самом деле множество точек. А каждая точка, в свою очередь, если ее развернуть, может оказаться и линией, и параллелепипедом, и шаром или пирамидой... А значит, нет больше в жизни одной строгой прямой линии, нет больше отрезков от точки к точке, а есть только свободная кривая в многомерном пространстве, и в каждой ее точке прячется целая маленькая жизнь» [10, с. 57]. Бумажные самолетки превратились в бумажных журавлей, что по восточной традиции является символом детской чистой души. Жизнь имеет смысл в самой жизни.

Список литературы

1. Радищев А.Н. О человеке и его смертности и бессмертии // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991. С. 97–105.
2. Кушнер А. По эту сторону таинственной черты. СПб.: Азбука, 2011. 325 с.
3. Дудинцев В. Белые одежды // Роман – газета. 1988. № 8. 215 с.
4. Абрамов Ф.А. Жарким летом: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984. 270 с.
5. Виктор Астафьев, Евгений Носов, Александр Шевченко. М.: Советская Россия, 1988. 295 с.
6. Рождественский Р.И. Стихотворения. М.: Эксмо, 2006. 300 с.
7. Владимиров Г. Большая руда // Собрание сочинений в 4 тт. Т. 1. М.: Политиздат, 1998. 370 с.
8. Русская поэзия второй половины XX века. М.: Дрофа, 2005. 320 с.
9. Зайончковский О.В. Собрание сочинений. М.: ОПИ, 2007. 372 с.
10. Мартова Н. Наследницы Белкина. Двенадцать смертей Веры Ивановны. М.: КоЛибри, 2010. 285 с.

DEATH OF A SOVIET PERSON*V.V. Grishin*

Article is devoted to the analysis of outlook of the Soviet person through a prism of his relation to death which, on the one hand, is caused by communistic ideology and atheism, with other, Russian patriarchal tradition. The author addresses stories of modern Russian writer Nellie Martova «Vera Ivanovna's twelve death» which heroine reveals a secret of life of the Soviet person who has remained in private with without that country with which it once cast in the lot.

Keywords: life, death, sense, fear, alarm, responsibility, society, existentia, care.